

Священник Александр Дьяченко

Чашечка кофе

Рассказы
о приходе
и о себе

«Маленький стаканчик кофе,
как связующая ниточка во времени и пространстве,
как редкий телефонный звонок домой...»

Светлая проза

Александр Дьяченко

**Чашечка кофе. Рассказы
о приходе и о себе**

«Никея»

2020

УДК 82-3
ББК 84+86.372

Дьяченко А.

Чашечка кофе. Рассказы о приходе и о себе / А. Дьяченко —
«Никея», 2020 — (Светлая проза)

ISBN 978-5-907202-30-6

Новый сборник замечательного автора, любимого православным читателем, священника Александра Дьяченко. Отец Александр делится пронзительными и правдивыми историями из своей жизни и жизни его паствы – прихожан храма в российской глубинке. Истории эти порой тесно переплетены – иначе и не может быть, если батюшка настоящий и пропускает чужую боль-радость через свое сердце. Перед нами встает целая череда образов, трагических и забавных, вереница человеческих судеб с их счастливыми днями и бедами, скорбными падениями и светлыми озарениями.

УДК 82-3
ББК 84+86.372

ISBN 978-5-907202-30-6

© Дьяченко А., 2020
© Никея, 2020

Содержание

Часть 1. Родословная	6
Старый диакон	6
Вестник	8
Круговорот	10
Высокое начальство	12
К столетию революции	14
Покаяние	15
Неразбериха	16
Новогодняя молитва	18
Маленькие истории	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Священник Александр Дьяченко

Чашечка кофе: Рассказы о приходе и о себе

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р19-912-0459*

© Брагар А. И., 2020

© ООО ТД «Никея», 2020

* * *

В самолете, возвращаясь из Испании в Москву, разговорился с соседкой, женщиной лет сорока пяти. Она уже три года как живет в Барселоне. Познакомилась с каталонцем и вышла туда замуж. Рассказывала, как возила своего супруга к нам в Россию.

Говорит, все ему у нас понравилось, и люди понравились. Одно только приводило его в постоянное недоумение:

– Скажи, почему русские почти не улыбаются? Мы, каталонцы, улыбаемся, а вы нет.

– Наверное, потому, что вы многое уже забыли и мало что знаете, – ответила ему русская жена. – Мы ничего не забыли и много что знаем. А как известно, «во многом знании много печали».

Часть 1. Родословная

Старый диакон

Наш духовник отец Андрей, уважаемый митрофорный протоиерей, недавно рассказывал об опыте своих первых лет священства. Сразу по окончании семинарии он стал сотрудником тогдашнего издательского отдела, руководил которым владыка Питирим (Нечаев). Он же впоследствии и рукополагал Андрея во пресвитеры.

Владыка Питирим, тогда он был в сане архиепископа, считал себя ответственным за каждого ставленника, который выходил в священство из-под его руки. Несмотря на постоянную занятость, он находил минуту, собирал молодых батюшек и устраивал чаепитие, всякий раз делаясь с ними чем-нибудь полезным из своего собственного жизненного опыта.

– Больше всего, – говорит отец Андрей, – мы любили его воспоминания о старых священниках, которых успел застать будущий владыка. Некоторые из них еще дореволюционного времени рукоположения, кто-то прошел через советские концлагеря.

Они мало что о себе рассказывали. Тогда вообще мало кто о чем рассказывал или делился с окружающими своими мыслями и чувствами. Время такое было. Люди больше предпочитали молчать.

«Мы учились у них опыту веры по их отношению к своим священническим обязанностям. Даже просто по тому, как они облачались в священнические одежды, как подходили к престолу. Как трепетно они служили. Мы, молодежь, – продолжал владыка, – украдкой наблюдали за выражением их лиц во время службы. Перед началом смотришь, перед тобой обыкновенный старик. Но стоило только прозвучать: „Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа...“ – и все, и нет того простодушного старика. Преображаясь на глазах, перед престолом вырастает духовная глыба. Глыба, которую не сдвинули с места ни унижения, ни тяжелые работы, ни даже страх насильственной смерти.

Помню, приходил на службы в Елоховский собор один старенький, больной протоиерей. Шел тяжело, обычно опираясь на палочку. После многих лет, проведенных в местах заключения где-то далеко на севере, у него развилась астма. Он тяжело дышал, но всякий раз, когда ему только позволяло здоровье, отправлялся служить литургию.

Сил у него хватало только на то, чтобы за всю службу один-единственный раз выйти на амвон и произнести великую ектению. Я смотрел на то, как он сосредотачивался, откладывая в сторону тросточку и решительным шагом выходил на солею. Подойдя к царским вратам, останавливался и начинал:

– Миром Господу помолимся...

Никогда больше я не слышал, чтобы еще кто-нибудь произносил эти двенадцать прошений мирной ектении так, как произносил этот человек. Казалось, будто его голос звучит отовсюду. И слева от меня, и справа. Он звенел высоко в куполе, отражался от стен, обрушиваясь на человека со всех сторон. Даже каменный пол и тот не оставался в стороне, но тоже резонировал и звучал.

Как я любил эти минуты! „Любил“, наверное, здесь неподходящее слово. Я благодарил Бога за то, что Он дал мне услышать этот голос, и в благоговении вытягивался перед ним в струнку.

Потом старый диакон возвращался в алтарь. Силы его оставляли. Он садился на приготовленный для него стульчик и, опираясь все на ту же тросточку, молился. До сих пор передо мной лицо этого праведника.

Вдруг однажды он перестал приходить на службы, а потом мы узнали, что нашего старичка разбил паралич. Все, что он теперь мог – лежать и молиться, и то лишь про себя. Язык ему больше не подчинялся. Так он проболел несколько месяцев и скончался. Но перед смертью – это его матушка на поминках рассказывала – пришел в себя. И вдруг отчетливо, четко произнес:

– Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Глаза закрыл и уснул уже навсегда».

Вестник

На Преображение Господне, отслужив литургию, поехал в другое село, в храм к нашим ближайшим соседям. Накануне отец благочинный позвонил и благословил меня принять участие в отпевании бывшего настоятеля этого храма отца Агафона. На покой тот ушел лет пятнадцать назад, но я еще застал его служащим священником. Близко мы с ним не соприкасались, но сослужить приходилось. Много лет я о нем ничего не слышал, думал, что отец Агафон уже помер, ан нет, оказалось, батюшка дожил до восьмидесяти восьми годов и скончался в доме для престарелых.

На отпевание отца Агафона я опоздал, потому как после праздничной литургии отпевал еще и у себя в храме.

Приезжаю в соседнее село. Тамошняя церковь стоит отдельно от жилых домов в окружении огромного действующего кладбища. Здесь же и дом священника. Получается, что живет человек прямо посреди могил вместе с матушкой и детьми.

Как-то я его спросил:

– Бать, не страшно, покойники по ночам не беспокоят?

Отец Петр рассмеялся:

– Однажды владыка задал такой же вопрос моему духовнику. Его тогда из городского храма перевели служить на кладбище. Мол, каково тебе здесь, обстановка не угнетает? «Владыка, что вы?! – замахал руками отец духовник. – Здесь, на кладбище, я только и ожил!»

Я замечаю в сенях у него небольшой топор – в углу, прямо возле входной двери.

– А это тебе зачем, если покойников не боишься?

– Так это больше, чтобы живых припугнуть. Бывает, что и безобразничают.

– Тогда, может, лучше ружье? Вверх пальнешь для острастки, всех и распугаешь.

Отец Петр вздыхает:

– Нет, никого этим не испугаешь. Грамотный у нас теперь народ. Прежде чем храм ограбить, он же всю сопутствующую литературу изучит. Помнишь отца Георгия? Он ведь тоже здесь когда-то служил. И у него было ружье, как ты говоришь – «для острастки».

Однажды ночью, заслышав шум, берет он свою двустволку и отправляется на разведку. И что ты думаешь, на самом деле воры.

Отец Георгий как закричит. Схватил ружье, точно палку, – и в атаку. Один разбойник убежал, а второго он догнал и перетянул его ружьем по спине. Да так, что у ружья приклад отломился. «Больно-то как! – причитает разбойник. – Поп, а поп, что же ты так дерешься-то, а? Ты книжки свои почитай! Нельзя вам, попам, народ колотить, а ты бьешь, да еще и так больно. Эх, креста на тебе нет!..»

Представь, это когда было. А сейчас повсюду интернет, так что кричи, стреляй – никто нас всерьез не испугается.

Подъехал к храму, вышел из машины и стал облачаться, так чтобы войти и, не медля, присоединиться к молящимся. Откуда ни возьмись, рядом появился Андрюха, бригадир похоронной бригады. От него разит перегаром.

– Ты чего опаздываешь? – Видит, что я облачаюсь, тут же предлагает: – Давай помогу. А что, я умею. Мы сегодня ночью старенького батюшку с отцом Петром вдвоем облачали и в гроб укладывали. Если что, будь спокоен, я и тебя облачу.

– Спасибо, Андрюша. Никогда в тебе не сомневался.

Он берет мою фелонь и сопровождает меня до входа в церковь.

На удивление, в храме много народу. Священническое отпевание длится очень долго. Многие устали и, примостившись, где только можно, сидя слушали отпевание.

Уже похоронив старенького батюшку Агафона, отец Петр мне сказал:

– Он умер совсем неожиданно. Месяца не прошло, как мне на почту прислали его фотографию из дома для престарелых. Такой он бодренький, в подрысничке сидит в кресле на службе. И вот на тебе. Совсем неожиданно.

На помин никто из отцов не остался. Оно и понятно, у всех дела.

– Хоть ты останься, – попросил батюшка. – А то нехорошо получается.

Я остался.

– Согласись, – продолжает отец Петр, – тоже чудо. На улице тепло, в храме тепло. Тело усопшего вообще никак не обрабатывали, а оно не смердит. Стали мы с Андрюхой его облачать, думал, подризник резать придется, а нет. Тело мягкое, сгибается в суставах. Облачили без проблем.

Мы обсудили с батюшкой эту насущную тему, вспомнив, как хоронили других наших собратьев-священников. Потом отец Петр проводил меня до машины. Я уже стал разоблачаться, и в этот момент к церкви подъехал квадроцикл с двумя дачниками, мужчиной и женщиной.

– Батюшка, – обращаются они к настоятелю, – нам ладану надо купить.

Отец Петр отправился с дачниками в храм. Открывает входную дверь. Втроем они проходят внутрь, а еще через минуту батюшка возвращается на паперть и кричит мне:

– Как хорошо, что ты еще не уехал! Иди посмотри, тебе будет интересно!

Я захожу в храм и вижу сидящую на возвышении под иконами белую голубку. Дачники радостно фотографируют птицу. Она сидит спокойно и никак на них не реагирует. Я не удержался и тоже сфотографировал.

– Смотрите, у нее на лапке кольцо. Видимо, это декоративный голубь, весь белый, а головка темная.

– Вот только откуда он здесь взялся? Тринадцать лет служу в этом храме и ни разу не видел рядом с ним голубей. Галки, вороны – этого предостаточно, а голубей нет. Как-то ведь залетел, а мы его не заметили, – недоумевает отец Петр.

Много раз я слышал, что после смерти праведников, сразу или во время похорон, рядом с гробом, а то и в комнате, в доме с закрытыми окнами, люди видели непонятно откуда появившуюся белую голубку. Думал, что это такое благочестивое преувеличение. Оказывается, на самом деле бывает. Но вслух предположил:

– Может, из дачников кто голубей держит?

– Может, и держит, – отозвался отец Петр, – народу здесь много, кто кроликов, кто поросят.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно, не сговариваясь, перекрестились:

– Помолись о нас грешных, батюшка Агафон.

Круговорот

Мы с Серегой, моим алтарником, возвращаемся из храма в поселок. Только что я отпевал одного своего старого знакомого. Сколько раз, помню, звал его в церковь. Он меня слушал, улыбался и никогда не спорил. Переведет разговор на другую тему, расскажет про свои болячки и вспомнит рабочий коллектив. И понимаешь, что пора прощаться, потому как про надоевший коллектив и про болячки мне слушать неинтересно. Так, не покайся, человек и ушел, а мне обидно.

Размышляя на столь грустную тему, мы вошли в поселок, и первыми, кто попался нам навстречу, была пожилая супружеская пара. И тоже мои хорошие знакомые. Они частенько прогуливаются по дороге от поселка до церкви и обратно. Гулять гуляют, а так чтобы в храм зайти, хотя бы из интереса, не заходят.

Вот я их своим вопросом и огорошил:

– Дорогие мои, когда я наконец увижу вас в храме? Сколько можно ходить вокруг да около?! Вы же крещеные, православные! Да и, простите, возраст уже поджигает.

– Ой, батюшка, как это мы не бываем?! Очень даже бываем. Вот два года назад ездили на экскурсию в Суздаль, и там нас водили в храм слушать церковное пение. В прошлом году отдыхали в Пятигорске и то же заходили, свечи ставили. Батюшка, ты не думай, мы самые что ни на есть православные.

Идем дальше. Серега раздраженно, словно саблей, рубанув рукой, подвел итог разговора:

– О чем можно говорить с такими людьми?! – И вынес приговор: – Что ты им говори, что ни говори – бесполезно!

На другое утро спешу в поселковую часовню. Собираюсь служить молебен и причащать старичков. Иду, смотрю себе под ноги и мысленно сосредотачиваюсь на предстоящей службе. Неожиданно справа прямо над ухом, словно хлопок:

– Александр Ильич!

Александр Ильич – это я. Обычно так ко мне обращаются люди официальные, местная интеллигенция и все те, у кого язык не поворачивается назвать чужого человека «отцом». По этому поводу я ни с кем не спорю и отзываюсь даже на: «Э-э-э... послушайте, молодой человек».

– Александр Ильич! – Передо мной две старушки из соседнего со мной дома. В храм они не приходят, даже за святой водой, но приветствуем мы друг друга исправно. – Если не секрет, позвольте узнать, за кого вы собираетесь голосовать на предстоящих выборах президента?

Что угодно я был готов услышать в то холодное мартовское утро, но только не вопрос о предстоящих выборах. В одно мгновение меня с небес опустили на землю. Недоуменножимаю плечами:

– Э-э-э... я как-то об этом еще не задумывался. Даже не знаю, что вам и ответить.

– Как это «не задумывался»?! – передразнивает меня одна из старушек. – Вы что же, не следите за теледебатами?

– Матушки, так ведь пост Великий, я телевизор вообще не включаю.

– Ты поняла? – обращается одна из старушек к другой. – У него пост, и он не смотрит телевизор!

– Да о чем с такими вообще разговаривать?! – возмущенно взрывается ее подруга.

И они в раздражении уходят.

Смотрю на часы. Уже опаздываю. Спешу, почти бегу. Краем глаза замечаю двух незнакомых женщин, одна молодая, другая постарше. Они стоят у торца пятиэтажного дома, о чем-то разговаривают, по-деловому размахивая руками. Увидев меня, перестали размахивать и, не сговариваясь, решительно двинули мне наперерез.

Мелькнула тревожная догадка: «„Свидетели“? Очень похоже». Только их мне сейчас не хватало, и так времени нет. Прибавляю шагу. Женщина, та, что помоложе, вырывается вперед, но не успевает на перехват и громко кричит мне вслед:

– Молодой человек! Пойдите! Мы вам расскажем об «имени Бога»!

Еще что-то добавляет. Я не оборачиваюсь, и слышу голос ее товарки:

– Галя, остановись! Ему это неинтересно. – И дальше все тот же, уже знакомый рефрен: – О чем вообще можно говорить с такими людьми?!

Думаю, нехорошо получилось. Что я вчера к этим старикам привязался? Люди они взрослые и сами все прекрасно понимают. Решил при первой же встрече извиниться за свою напористость.

Потом узнаю: неделю спустя после нашего с ними того разговора их дочь родила ребеночка, который во время родов был сильно травмирован. Они искали возможность окрестить дитя в реанимации, и я подсказал им, что нужно делать. И вот уже сорок дней, как мы проводили крошку в его первый и его же последний путь.

Сегодня почему-то вспомнил о том своем поступке, как убеждал людей идти в храм молиться. И только сейчас дошло: не от меня это было.

Когда-то очень давно мечтал получить такой особый дар, чтобы мне, хотя бы в масштабах моего прихода, открывалось знание о грозящей беде тому или иному человеку. Чтобы найти его и предупредить: кайся, брат, молись и будь максимально внимателен. Даже роптал: вот, мол, не дается мне такая способность, а как было бы хорошо!

Но вот случилось. Даже сам не заметил как. И на опыте убедился: такой дар, увы, бесполезен. Не отзовутся. А если приметят закономерность, поймут, что батюшка о чем-то догадывается, прослынешь еще «каркающей вороной», предвестником беды. При встрече пугаться станут и за квартал обходить начнут.

Высокое начальство

Антонина – женщина еще не старая, но уже пенсионного возраста. Несколько лет, как работает уборщицей в фармакологической компании. Антонина верующая, каждое воскресенье она старается бывать в храме. Часто причащается. Жалеет, что и на пенсии вынуждена работать и не может ходить вместе с другими на великие праздники, случающиеся на буднях.

Невысокого роста, жилистая и работающая, она легко справляется с порученным ей участком работы. Потому ее начальник и одновременно исполнительный директор фирмы Геннадий Алексеевич время от времени «подкидывает» Антонине дополнительные объекты. Та начальнику не отказывает, убирается везде, где велют. Геннадий Алексеевич хвалит исполнительную работницу, но денег за сверхурочную работу не платит.

Антонина сама во всем виновата. Очень уж у нее длинный язык. Придет на работу и давай всех с праздником поздравлять. Сегодня, говорит, память святителя Николая или еще кого-нибудь из святых. Руководство компании – люди все серьезные и уважаемые, у них одни только оклады раз в двадцать больше, чем у нее, у уборщицы, а она им все «с праздничком да с праздничком». Тоже, ровня нашлась.

Сколько раз ей делали замечания: «Пожалуйста, не надо здесь про вашего Христа», – а она забудется и давай им по новой. Дура дурой, короче. Муж тоже придерживается того же мнения, потому вдобавок он ее еще и поколачивает.

Геннадий Алексеевич – человек просвещенный, ученую степень имеет, тот Антонину все больше рублем воспитывает, вернее, увеличением объема порученной работы за один и тот же размер вознаграждения. Воспитывает и удивляется, насколько же несообразительна его уборщица. Вместо того чтобы убирать один этаж, убирает целых три, а от своей глупой привычки никак не отстанет.

– Антонина, мне с вами никакой календарь не нужен. Я уже все ваши праздники изучил. Вы еще только рот открываете, а я уже знаю: сейчас она будет поздравлять меня с Преображением или с Введением во храм.

Устал я от вас, уважаемая Антонина Петровна. Потому кому-то из нас придется увольняться по собственному желанию. И я так думаю, что, скорее всего, это будете вы. В отделе кадров я уже предупредил, завтра напишете заявление.

Антонине никак нельзя терять работу. Деньги ей платят хоть и небольшие, но стабильные. Сына на днях сократили, а семья, а дети? Кто им сейчас поможет?! Намывает Антонина полы, пуще прежнего старается, а в голове у нее крик стоит: «Заступись, Господи, кто им еще поможет?! Кто им еще поможет! Я же могу, я и четвертый этаж осилю, только бы не выгнали, Господи!»

Следующим утром Антонина робко постучалась в дверь отдела кадров. Женщина-кадровик, мельком взглянув на уборщицу, в ответ на ее робкое «Христос воскрес!» лишь махнула рукой и добавила:

– Тонь, иди, иди. Не до тебя сейчас, работай. Все знаю, потом зайдешь.

Антонина, в собственных мыслях, не обращая внимания на повышенную нервозность среди обитателей высоких кабинетов, приступила к своей привычной работе. Натирая полы, боялась только одного: как бы не пересечься с Геннадием Алексеевичем. Сегодня не заметит, а завтра, глядишь, так и вовсе забудет о своем распоряжении. Главное, на глаза большому начальству не попадаться. Работает – и вдруг слышит прямо над собой голос кадровика:

– А это, Сергей Иванович, наша уборщица, Антонина Петровна. Очень хорошая работница. По-старому так и вовсе передовик производства.

Антонина отрывает глаза от пола. Увидев рядом с начальником отдела кадров незнакомого представительного мужчину, смутилась и вместо привычного «здравствуйте» еле слышно

пробормотала: «Христос воскрес!» И, спохватившись, про себя добавила: «Эх, ну что же это я, на самом-то деле...»

Незнакомый мужчина громко рассмеялся и так же громко ответил:

– Воистину воскрес! Я ваш новый исполнительный директор. Приятно, что на новом месте меня будут окружать верующие люди.

– Ой! – от радости еще больше растерялась Антонина. – Как неожиданно-то.

– Знаете, для меня тоже. – Сергей Иванович повернулся в сторону кадровика: – Вчера в обед вызвали в головное отделение, а наутро уже велели принимать дела от Геннадия Алексеевича. Теперь вместе будем работать, – это уже в сторону Антонины, подвел итог новый директор.

И в сопровождении начальника отдела кадров они отправились дальше по коридору.

К столетию революции

Расскажу маленькую историю – эпизод из жизни одной верующей женщины, всю жизнь служившей при храме. Была она и псаломщицей, и за свечным ящиком стояла. Там же при храме познакомилась и позже сошлась с одним пожилым вдовцом. Стали они жить вместе.

Он человек верующий, очень правильный и положительный. Много помогал батюшке. Последние годы жизни пролежал в параличе. Язык его не слушался, и руки не слушались. Если что собирался взять или переставить, то делал это долго и с большим трудом.

Однажды эта женщина, готовясь к службе, решила посмотреть mineю. Mineя старинная, дореволюционная. Книга большого формата с текстами песнопений, набранных крупными буквами. Открывает она mineю и обнаруживает в ней портрет Владимира Ильича Ленина. Старый, годов еще пятидесятых. Кто-то давно вырезал его из журнала и зачем-то на долгие годы оставил лежать в церковной книге.

Время уже было перестроечное, потому женщина взяла этот портрет и безбоязненно бросила в печку. В этой печке сжигали прочитанные записки и прочую, выходящую из храма ненужную макулатуру.

После всего она пошла домой проверить больного супруга. Входит в комнату, старик лежит на диване с закрытыми глазами, вроде как спит. Она к нему подходит и наклоняется, собираясь поправить на нем одеяло.

В этот момент дедушка открывает глаза и резко бьет ее по лицу ладонью. Ударил и с величайшей злобой, совершенно отчетливо, чего не делал из-за болезни во все последние годы, произнес:

– Вот тебе за это!

Порывался сказать еще что-то, но не смог: речь его вновь стала бессвязной. Рука бес- сильно упала на диван рядом с телом, и он заснул.

О том, что ударил жену, он не помнил.

Покаяние

В храме идет соборование. Люди молятся об исцелении тела и отпущении грехов. Вдруг свечи, семь свечей, что обычно зажигаются во время таинства на столике перед священником, начинают оплывать быстрее обычного. Да так, что приходится их менять и зажигать другие. Ситуация необычная, и все, кто участвовал в таинстве, это заметили.

Потом, после молитвы, когда я уже убирал за собой со стола, несколько человек, но по одному, подходили ко мне и как бы между прочим сообщали:

– Свечи-то, обратили внимание? Это все из-за Ивановой, рядом с вами стояла. Очень уж она грешный человек. Бог шельму метит, вот даже свечи из-за нее потекли.

Я их слушал, а сам вспоминал, как много лет назад мы взялись восстанавливать наш храм. Я еще трудился рабочим на железной дороге и в тот день выходил в смену. Сам я этого не видел, но батюшка, что раньше был настоятелем, потом мне рассказывал.

Они молились на литургии, а на улице в это время начался дождь. Дождь не проливной, моросящий. И вдруг прямо во время службы в храм залетает молния. Дыр в окнах было еще предостаточно, вот она и пожаловала. Мы, говорит, молимся, а она плывет. Медленно, по направлению к импровизированному клиросу.

Народ затаил дыхание. Маленький огненный мячик остановился в метре от оторопевших певчих и неожиданно взорвался. Треск, хлопок. Но, слава Богу, обошлось без видимых последствий. Только одна совсем еще молоденькая девочка из певчих заплакала и сказала:

– Это все из-за меня! Я такая грешная, не хотела сегодня вставать на службу. Еле себя заставила. Это меня Господь через молнию обличил.

Я слушал подходящих ко мне после соборования людей, вспоминал ту девчущку и думал: как хорошо, что хотя бы дети еще способны видеть собственные грехи.

Неразбериха

После всенощной к отцу Филиппу, настоятелю храма, что в селе Угрюмиха, подошла староста и подала поминальную записку.

– Батюшка, что же это творится?! – возмущается староста. – Ты погляди, что пишут. Нет, я Дусе велела, больше такого безобразия она не примет.

Отец Филипп устало лезет в карман за очками и, не надевая их, так сложенными и подносит к глазам. Записка «о здравии», читает батюшка.

– Так, что тут у тебя? Ага, «император Наполеон Михаил»... – в задумчивости тянет он.

На листочке сверху крупными буквами написано: «император Наполеон», а внизу на следующей строке, чуть меньшими, – «Михаил».

– Это кто же у нас такой объявился?

– Мишка это, дачник московский. Года два назад он у нас еще в храме во время службы через голову перевернулся. Помнишь? Ты тогда с кадилом по храму ходил, а он как прыгнет.

– А, этот?! – радостно восклицает батюшка. – Как же, помню, помню. Ловко он тогда назад через голову. Значит, теперь он «Наполеон». Ладно, примем к сведению. Дусе скажи, пускай принимает. Мишка – мужик здоровый, вон у него кулачищи какие. С «Наполеоном» лучше не шутить. Разозлишь, он нам тут такой Аустерлиц устроит, мама не горюй.

Неделю спустя в алтаре, вынимая частицы, отец Филипп снова увидел записку со знакомым почерком: «император Наполеон Михаил». Сверху – император, снизу – Михаил.

Интересно, задумался батюшка, почему между двумя именами отсутствует черточка? Ведь если сторонний человек на записку посмотрит, то и подумает, что перед ним два абсолютно несвязанных между собой имени, принадлежащих двоим совершенно разным людям, что в общем-то и соответствует истине. Конечно, если не брать во внимание, что Михаил, он же и Наполеон, товарищ хоть и неагрессивный, но серьезно болящий.

Обычно верующие, подавая записки на обедню, жертвуют на нужды храма какую-то небольшую сумму. В разных местах делается это по-разному: где-то принято жертвовать за целую записку, независимо от числа имен, где-то за каждое имя в отдельности. В Угрюмихе записки принимались поименно. А Дуся, продолжилась мысль отца иеромонаха, та, что стоит за свечным ящиком, как она принимает конкретно эту записку? Брать записку, чтобы не раздражать болящего, благословил, а как посчитать, не разъяснил.

Отслужив литургию, отец иеромонах подозвал к себе Дусю:

– Евдокия, скажи, пожалуйста, когда ты принимала эту записку, ты как ее посчитала, за два имени или за одно?

– За два, конечно. Здесь же написано, вот: «император Наполеон», а здесь «Михаил». Каждое в своей строке, все, как положено.

– Понятно. А ты знаешь, кто такой Наполеон?

– Знаю, конечно.

– Тогда зачем ты берешь с него за два имени?

– Но имен-то два! Будь бы он просто «император Михаил», тогда другое дело, а так он и Наполеон, а в добавок еще и Михаил.

Батюшка замолчал и, собираясь с мыслями, зачем-то похлопал себя по карманам подрясника в поисках неожиданно понадобившихся ему очков. Потом продолжил:

– Понимаешь, я, конечно, в этих вопросах не специалист, но, видать, Мишка думает, что он воплощение знаменитого императора. Мол, душа великого француза взяла и воплотилась именно в нем, в Михаиле.

– Раз воплотилась, тогда и пиши просто «император Наполеон». Чего людям голову морочить?

– Ну да. А может, знаешь чего, может, там, где он лечится, кроме него этих наполеонов еще пруд пруди. Вот их друг от дружки по двойным именам и различают.

– А раз так, то будем считать, что и наших двое. – Батюшкины доводы Евдокию не убедили, и она остается при собственном мнении.

Отец Филипп, сдаваясь, машет рукой:

– Ладно, поступай как знаешь, – и направляется в алтарь.

Но Дуся, вдруг что-то вспомнив, кричит ему вслед:

– Ой, батюшка, погоди, еще вопрос! Я что подумала, этот Наполеон-то небось не православный.

– Ну да, наверное, католик. – И отец Филипп зачем-то снова принимается искать в кармане свои очки. – Куда это ты клонишь?

– Так если он не православный, значит, правильно писать в записке «заблудший»? «Заблудший император Наполеон».

– Подожди. – Батюшка все-таки достал очки и крутит их в руках. – «Заблудший» – значит, еще живой, но заблуждающийся в своем выборе. Мы молимся о человеке, чтобы Господь надоумил его сделать правильный выбор. Какой выбор может сделать Наполеон, если он уже давным-давно умер?

– Как это умер, – возражает Дуся, – если вот здесь его поминают за здравие?

Отец Филипп решительно сует очки назад в карман подрясника и возвышает голос:

– Евдокия, нет никакого Наполеона. Все. Помер Наполеон! Ты поняла?

– Поняла, конечно. Чего же тут не понять?! Помер и помер. Это-то мне понятно. С пожертвованием непонятно. В записке-то все одно два имени... и Наполеон – он же католик, значит, как ни верти, а «заблудший».

Новогодняя молитва

Один мой хороший знакомый, грузин по национальности, рассказал мне такую историю. Был у него друг, очень близкий. По имени Дато. Тоже грузин, он хорошо готовил мясо и держал небольшой ресторанчик с грузинской кухней. Оба жили в России в соседних городах, часто встречались и дружили семьями. Этот его друг незадолго до Нового года неожиданно умирает.

Резо, так зовут моего знакомого, переживал смерть друга как потерю очень и очень дорогого ему человека. Разумеется, он взял на себя заботу об оставшемся сиротой его сыне. Сперва он помогал ему с учебой в школе и занятиях спортом, а потом стал оплачивать учебу юноши в одном престижном московском вузе.

Незадолго до Нового года мы с Резо сидели у него в служебном кабинете, и он стал рассказывать:

– Представь, ровно год назад вот в это же самое время снится мне сон. Вижу я покойного Дато, моего дорогого друга, он сидит вот на этом месте. Мы с ним о чем-то разговариваем, а потом он начинает меня просить: «Резо, есть у меня к тебе огромная просьба. Уже три года я не видел своего сына и очень по нему соскучился. Пожалуйста, привези его ко мне на могилу. Пускай он зажжет свечу рядом с крестом и помолится о своем отце». – «Зимой в горах сильный ветер. Трудно будет зажечь на могиле огонь». – «Ничего, я вам помогу».

Когда Дато умер, мы отвезли его домой в Грузию и похоронили высоко в горах на его родовом месте, а семья осталась жить здесь, в России. С тех пор никто из нас у него не был.

Сон был таким отчетливым, что я до сих пор помню его в деталях. И даже голос Дато продолжает звучать у меня в ушах: «Пожалуйста, привези ко мне моего сына».

Утром я поехал к вдове друга и сказал ей:

– Манана, собирайся. Сейчас мы возьмем твоего Ираклия и вместе поедem в Грузию.

– Резо, какая Грузия?! На носу Новый год! Надо работать.

– Нет, Манана, надо ехать. Я потом расскажу тебе зачем, но, поверь, это очень важно.

И мы поехали.

Долго-долго мы поднимались на высокогорное кладбище, чтобы добраться до могилы Дато. А когда наконец добрались, я достал из сумки заранее припасенные свечи и пустые баллоны из-под воды, чтобы поставить в них свечи и защитить горящий огонь от ветра. Три баллона и три свечи на могилы Дато и его родителей.

– Вы зажигайте, а я пойду за священником.

Когда я вернулся вместе с батюшкой, то увидел, что мои спутники, как ни пытались, так и не смогли зажечь свечи. Резкие порывы ветра задували огонек, несмотря на защиту.

– Резо, – сказала Манана, – у нас с Ираклием ничего не получается. Попробуй, может, у тебя что-нибудь выйдет.

Я взял свечи и просто воткнул их в снег на каждой из трех могил. Воткнул и зажег. И они загорелись. Просто без всякой защиты. Уже стемнело, ветер неожиданно прекратился, а свечи горели, освещая все пространство вокруг, словно это была праздничная новогодняя иллюминация.

– Я привез к тебе твоего сына, как ты хотел, Дато. Видишь, как все вышло, прямо накануне праздника. Ты любил встречать его в окружении семьи и нас, тебе самых близких. Спасибо, ты снова собрал нас вместе. С праздником тебя, мой дорогой друг! С Новым годом!

И мы стали молиться.

Маленькие истории

Эпизод первый

Однажды, будучи в Италии в паломнической поездке, мы с матушкой познакомились с одной женщиной по имени Рая. Вместе с сыном они сейчас проживают на Урале. На то время юноша учился в православном институте и готовился связать свою судьбу со служением в Церкви. Мы разговорились и услышали от них такую историю.

Их дом находится рядом с большим городским собором. Рая постоянно ходила сюда же, в храм, на службы, молилась, и не только. Еще по воскресным дням после литургии она оставалась и занималась с подростками.

Каждый год летом они с батюшкой организовывали детский лагерь. Со временем о лагере узнали благодетели, с их помощью появилась возможность отправлять ребятишек в поездки по святым местам.

Однажды батюшка привез к ним в лагерь мальчика лет одиннадцати:

– Мама у него умирает, онкология спинного мозга. Один-единственный ребенок, отца нет. Я с ней в хосписе познакомился. Попросила пока на лето взять его к нам в лагерь.

– А потом?

– Потом будет видно, может, что и придумаем.

Неделю спустя позвонила мама мальчика и попросила нашу знакомую приехать к ней в больницу. Она уже практически не вставала. Рая представилась. Мама мальчика, оторвав голову от подушки, с трудом приподнялась и села на кровати. Потянулась, достала из тумбочки папку с бумагами и подала ее Рае:

– Я навела о вас справки и услышала много хорошего. Вы добрая, верующая женщина. Вот здесь документы на квартиру. Это все, что у меня есть. Возьмите к себе моего мальчика. Он послушный и неизбалованный ребенок.

Я представил себя на месте моей собеседницы и поинтересовался:

– Что же вы ей ответили? Согласились?

– Нет, сказала: «Я его не возьму. Потому что ребенку нужна его мама. Вы обязательно поправитесь и будете растить его сами».

– Знаю, после меня она просила еще нескольких человек. Кто-то согласился, и начался процесс оформления опекуна.

Все это время мальчик продолжал находиться с нами в лагере. Каждое утро мы с ребятами начинали с молитвы. И каждое утро всем отрядом просили об исцелении мамы нашего маленького товарища.

А вскоре мы все вместе отправились на Западную Украину, в паломническую поездку в Почаевскую лавру. Сейчас вспоминаю, место красоты необыкновенной. Обошли весь монастырь, побывали с детьми на службе, причастились. Потом прикладывались к чудотворной иконе Божией Матери «Почаевской» и к мощам преподобных Иова и Амфилохия.

Нам уже скоро уезжать, как вдруг находит меня этот мальчик, хватая за руку и рассказывает:

– Ко мне монах подошел! Какой? Не знаю, я его хорошо не запомнил. Говорит: «Знаю, у тебя мама тяжело болеет. Но ты молись и не отчаивайся. Она не умрет. Твоя мама выздоровеет и проживет еще долгую жизнь, а ты станешь священником».

Кем был тот человек, я не знаю. Только вскоре после нашего возвращения из лавры мама мальчика действительно пошла на поправку. Теперь она прихожанка нашего храма, а ее сын на следующий год собирается поступать в семинарию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.